

Старуха Извергиль

ГЛОРИЯ ГОЛД

Глория Голд

Старуха Извергиль

«Автор»

2026

Голд Г.

Старуха Извергиль / Г. Голд — «Автор», 2026

Сердце Зинаиды Семеновны Извергиль остановилось во вторник в 15:30, когда ведущий «Пусть говорят» сделал пафосную паузу. Но привычка требовать перерасчёт за отопление оказалась сильнее смерти. Мертвая старуха возвращается в родную хрущёвку, чтобы наводить порядок: писать заявления на стенах, перекрывать воду должникам и доводить управляющую компанию до инфаркта. Однако вместо экзорцистов в её загробную вотчину заявляются студенты из Бауманки с самодельным датчиком электромагнитного поля и убеждением, что любую нечисть можно откалибровать. А следом — их девушки из педагогического, с борщом и теорией социальной адаптации. И вместо изгнания предлагают старухе компьютерные игры. Чёрная комедия о киберспортивной бабушке, которая не знает механик боссов, но знает, как заставить сорок человек сдавать отчёты. О пирожках, материализованных из эфира. И о том, что настоящий покой — это не свет в конце туннеля, а когда Wi-Fi ловит и никто не смеет нарушать порядок. Даже после смерти.

© Голд Г., 2026

© Автор, 2026

Глория Голд

Старуха Извергиль

Пролог

В котором смерть оказывается лишь перерегистрацией по новому адресу

Зинаида Семёновна Извергиль умерла во вторник, пятнадцатого октября, в пятнадцать тридцать две минуты пополудни. Если быть совсем точными – а она всегда была точной, ибо точность – это вежливость королей и завхозов, – её сердце остановилось ровно в тот момент, когда ведущий программы «Пусть говорят» сделал самую пафосную паузу перед тем, как объявить о судьбе очередного заблудшего родственника. Сердце, надо сказать, сдало позиции не от внезапной эмпатии или эмоционального потрясения, а от обычной усталости, накопленной за семьдесят три года бесперебойной работы по организации хаоса в отдельно взятом жилом комплексе. Просто устало, как старая газовая колонка, которую чинили двадцать три раза, а менять всё равно было не на что.

Зинаида Семёновна не заметила смерти. Она подумала, что просто зажмурилась на пару секунд, потому что в глазах зарябило от кислотного цвета пиджака ведущего. Она открыла глаза – и обнаружила, что лежит на каталке в морге, облаченная в казенную простыню такого унылого оттенка, что даже советские школьные шторы показались бы рядом с ней образцом авангардного дизайна.

– Это что за безобразие?! – прошипела она, приподнявшись на локтях и окидывая помещение взглядом, способным заставить трепетать даже самых закоренелых должников по коммунальным платежам. – Где мой любимый халат?! Тот самый халат из «Стокманна», который я у Жанки с пятого этажа полгода выторговывала, отдав ей за него шесть банок вишневого варенья и старый пылесос «Ракета», который все равно работал, просто иногда искрил?!

Санитар, вошедший с бланком, поперхнулся, увидев, как труп на тринадцатой каталке возмущенно встряхивает кулаком в сторону шкафа с вещами. Он решил, что у него белая горячка после вчерашнего дежурства, и тихо вышел, притворив дверь. Он был профессиональным санитаром, а профессионалы знают: если труп разговаривает, то либо это пьяный бред, либо проблемы с тем светом. С последним он связываться не хотел принципиально.

Зинаида Семёновна, не получив вразумительного ответа, спрыгнула с каталки. Собственно, она не столько спрыгнула, сколько... вытекла? Переместилась? В общем, она оказалась у шкафа, и это не требовало привычных мышечных усилий, что её сначала удивило, а потом возмутило ещё больше, потому что никто не предупреждал её об отмене законов физики в самый неподходящий момент.

В шкафу висела чья-то одежда – чужая, не её.

– Это грабёж, – констатировала Зинаида Семёновна голосом, которым обычно требовала пересчёта показаний счетчика. – Сначала вы меня угробили своей халатностью, теперь ещё и вещи воруете – бардак какой-то.

Она вышла из морга, точнее, она прошла сквозь дверь, потому что ручка её не слушалась. Это было неудобно, но сэкономило время, а время, как известно, деньги. А деньги – это пенсия, которую она, между прочим, ещё не получила за этот месяц. Вопрос о том, кто теперь будет получать её пенсию, если она – в смысле Зинаида Семёновна – вроде как покойница, требовал немедленного выяснения. При жизни она могла довести до инфаркта трёх бухгалтеров, выясняя перерасчёт. После смерти она намеревалась довести их до... ну, до того же состояния, просто уже на том свете.

Она не стала задерживаться в морге. Там было холодно, пахло формалином, и, что самое возмутительное, не было чайника. Зинаида Семёновна, будучи при жизни завхозом в ЖЭКе N 17, знала одну простую истину: любое помещение, где нет чайника и заварки, не является полноценным жизненным пространством. Морг, как выяснилось, нарушал этот принцип, поэтому покинуть его было делом чести.

Она направилась домой в свою хрущёвку. В ту самую, которую ненавидела и любила одновременно все сорок два года своей сознательной трудовой и посттрудовой биографии. Домой – на улицу Красного Маяка, дом 27, корпус 3, квартира 48. Именно туда, где её ждал недопитый чай в стакане с подстаканником, оставленный еще утром перед тем, как она решила посмотреть телевизор и бесславно скончаться.

По дороге она попыталась купить в ларьке «Кулинария» пирожок с повидлом. Продавщица не обратила на неё никакого внимания – как, впрочем, и прохожие. Зинаида Семёновна, привыкшая, что её боятся, уважают и, по крайней мере, замечают, пришла в ярость. Она громко постучала по прилавку костлявой, полупрозрачной рукой. Продавщица почесала нос и переключила канал на радио «Шансон». Зинаида Семёновна поняла, что мир сошёл с ума, и это еще не самое страшное. Самое страшное – что пирожок остался некупленным.

В подъезд она вошла не через дверь, а сквозь стену. Это было не так эффектно, как хотелось бы, но зато быстро. Подъезд встретил её знакомым запахом кошачьей мочи, табака и вечной сырости, идущей от подвала, где уже тридцать лет никто не чинил трубы, несмотря на четыреста двадцать семь письменных заявлений, написанных её собственной рукой.

Лифт не работал с тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Зинаида Семёновна, взлетела на свой пятый этаж без малейших усилий. Она, конечно, могла бы и через стену, но у неё был принцип: в своем подъезде она пользуется лестницей. Или, в данном случае, леви-тацией, но исключительно ради соблюдения формальностей. Правила есть правила, и, даже будучи покойницей, Зинаида Семеновна оставалась существом, свято чтящим бюрократиче-ский порядок.

Квартира встретила ее тишиной и запахом засохшего варенья. Телевизор орал на весь дом – она оставила его включенным перед смертью, чтобы не пропустить финал ток-шоу. Экран искрил и показывал помехи, но это её не смущало. Плохое качество сигнала было для неё привычным фоном жизни, как плохое качество жизни было для неё привычным фоном советской, а затем российской действительности.

Она села в кресло. Вернее, она попыталась сесть, но тело прошло сквозь обивку, и она приземлилась на пол.

– Вот это уже никуда не годится, – сказала она вслух. Её голос звучал как скрип старой двери в туалете на первом этаже. – Я что, теперь бесплотный дух? А кто будет платить за квартиру? Где моя пенсия? Кто будет разбираться с тем хамом из управляющей компании?

Никто не ответил. Зинаида Семёновна вздохнула. Она вообще-то не планировала уми-рать. У неё были планы: переклеить обои в коридоре, добиться перерасчета за отопление (потому что батареи едва теплые, и это безобразие длится уже пять лет), и, наконец, разобрать антресоль, где хранились банки с компотом урожая девяносто восьмого года.

Смерть, как оказалось, была ужасна не сама по себе. Она была ужасна своей несправед-ливой бюрократией. Её никто не спросил, хочет ли она умереть именно в этот момент, от сер-дечного приступа, вызванного унылым ведущим. Не было ни предупреждения, ни заявления, ни даже подписи в журнале учета.

– Бардак, – повторила она с нарастающей злостью. – Полный бардак.

Мир вокруг неё задрожал. Стакан, оставленный на столе, подпрыгнул и разбился. Шторы на окне колыхнулись без ветра. Телевизор переключился на канал «Домашний» и начал показывать передачу о ремонте. Зинаида Семёновна посмотрела на экран и почувствовала, что её загробное существование начинает обретать смысл.

Она не собиралась уходить и растворяться в эфире. У неё были здесь ещё дела – конкретные, земные, управдомовские, и, если кто-то думал, что смерть остановит её путь по наведению порядка в отдельно взятом микрорайоне, то этот кто-то глубоко ошибался. Смерть была лишь поводом сменить должность. С должности «живого завхоза» на должность «мертвого завхоза». Разницы, по сути, никакой не было, только пенсию теперь перечислять не на карту, а в эфир. Но это технические детали.

Глава первая

В которой микрорайон сталкивается с нечистой силой, а нечистая сила – с бюрократией

Первая неделя загробного бытия Зинаиды Семеновны стала для жителей дома N 27 по улице Красного Маяка временем великих потрясений, массовой паранойи и острого дефицита валерьянки в ближайшей аптеке.

Все началось с мелочей. Со звонков в домофон без посетителей. С хлопающих дверей в отсутствие сквозняков. С воды, которая самопроизвольно включалась в кухонных кранах, а затем выключалась, стоило подойти к раковине. Жильцы списывали это на старость коммуникаций и дворника-алкоголика, который, по слухам, забывал закрывать кран в подвале. Но когда зеркала в прихожей стали запотевать не от пара, а от чьего-то дыхания, и на них начали появляться надписи вроде «У вас течет бачок, номер заявки 1456-А, ожидайте мастера с 8 до 18», народ забеспокоился.

Алла Викторовна с третьего этажа, женщина с тонкой душевной организацией и хронической мигренью, была первой, кто официально сошел с ума. Она вызвала участкового и заявила, что у нее в унитазе живет бабка.

– Она говорит, чтобы я закрывала крышку! – рыдала Алла Викторовна в трубку домофона, пока участковый внизу пытался понять, это шутка или повод для оформления наряда. – Она говорит, что если я не закрою крышку, она вычтет штраф из моей квартплаты!

Участковый лейтенант Петрухин прибыл на место происшествия с намерением составить протокол о мелком хулиганстве, но столкнулся с явлением, которое не вписывалось ни в один параграф административного кодекса. В подъезде, на стене, мелом была выведена аккуратным почерком надпись: «Пенсию проиндексируйте, и тогда поговорим». Петрухин попытался стереть надпись рукавом форменной куртки – и мелкий кусочек мела вылетел из его руки, начертил на стене ровный круг и написал в центре: «Двойка. Иди учи законы, сынок. Статья 7.23 КоАП РФ». Петрухин, который и так не особо жаловал свою работу, почувствовал, что у него начинает дергаться глаз. Он вызвал подкрепление – старшего участкового майора Степанова, ветерана, который, по слухам, был знаком с полтергейстами еще в лихие девяностые, когда призраки были не модными, а вполне себе материальными бандитами в спортивных костюмах.

Степанов прибыл, посмотрел на надпись, почесал затылок, а затем достал из кармана пачку сигарет, закурил прямо в подъезде (за что ему позже вынесут выговор, но это будет позже) и сказал:

– Это Извергиль Зинаида Семеновна, которая умерла на той неделе. Я знал её, между прочим, двадцать лет. Она при жизни в ЖЭКе работала. Мы с ней по поводу заявок пересекались. Если это она, то, парни, я вам не завидую. Она баба – серьезная.

– Она что, призрак? – переспросил Петрухин, которому очень хотелось, чтобы все это оказалось розыгрышем студентов из соседнего общежития.

– Не призрак, – мрачно сказал Степанов. – Призраки – это те, кто плачет и стонет. А Извергиль – это завхоз. Завхозы не стонут, они требуют отчетность. И если она взялась за старое, то нам всем конец. Она заставит нас заполнять по триста страниц объяснительных о том, почему мы не закрыли заявку в срок.

Степанов оказался пророком.

В течение следующих трех дней жители дома 27 корпус 3 столкнулись с невиданным доселе явлением: коммунальным террором. Призрак Зинаиды Семёновны не сбрасывал вещи с полок, не шевелил мебель и не завывал по ночам. Вместо этого призрак занимался тем, что знал лучше всего – контролем.

Она составляла списки неоплаченных квитанций и шептала их должникам в уши во сне. Она перекрывала краны с холодной водой ровно в тот момент, когда жилец намыливал голову. Она звонила в домофон и голосом, советской дикторши, объявляла: «Проводится плановая проверка показаний счетчиков. Будьте готовы предоставить доступ к прибору учета в течение десяти минут, в противном случае выписывается штраф».

Должники начали платить. Быстро, с паникой и ощущением, что за ними следит всевидящее око партии, только в еще более зловещей форме. Те, кто был должен за электричество, видели, как их лампочки начинают моргать азбукой Морзе, передавая сумму долга и номер лицевого счета. Старуха, видимо, осваивала новые технологии.

Однако самые зрелищные события разворачивались в кабинете управляющей компании. Генеральный директор ООО «ЖилКомСервис-Плюс», Аркадий Эдуардович, человек с лысиной, потным лицом и полным отсутствием совести, был разбужен в четыре часа утра звуком удаляющихся файлов на своем рабочем компьютере. Он вбежал в офис в трениках и майке и застал следующую картину: все принтеры в офисе печатали его фотографии, на которых он был изображен с рогами, а на мониторе его собственного компа красовалась надпись крупным шрифтом: «Перерасчёт за отопление сделать до вечера, иначе ты пойдешь в баню вместе с радиатором».

Аркадий Эдуардович не был суеверным человеком. Он был практиком и циником, но когда его любимое кресло начало самостоятельно вращаться, а из динамиков компьютера раздался голос, вещающий о необходимости пересчитать показания общедомового прибора учета за последние пять лет, он сдался.

Он сделал перерасчет и даже заплатил штраф за просрочку, хотя в данном случае просрочка была у него самого. Впервые за свою карьеру он испытал страх перед кем-то вышестоящим. И этим кем-то оказалась мертвая женщина из квартиры 48.

Зинаида Семёновна, между тем, чувствовала себя прекрасно. Ну, настолько прекрасно, насколько может чувствовать себя призрак с нерешёнными вопросами бюрократии и налоговой инспекции. Она обнаружила, что может проходить сквозь стены, читать документы, находящиеся в сейфах (потому что прозрачность – это преимущество), и заставлять электронику работать так, как ей нужно, а не так, как задумал производитель. С последним у неё были особые отношения. Телевизор, который при жизни работал через раз, теперь подчинялся ей

безоговорочно, демонстрируя передачи о ремонте и документальные фильмы о ЖКХ по первому требованию.

Но, как любая женщина с характером, Зинаида Семёновна быстро пресытилась победой над мелкими сошками. Управляющая компания капитулировала, участковые боялись заходить в подъезд без молитвы и справки от психиатра, должники платили с пугающей пунктуальностью. Ей стало скучно.

А скука для духа, который при жизни работал по двенадцать часов в сутки, была хуже смерти, хуже даже телепередач о модернизации систем водоотведения.

Именно в этот момент судьба (или, возможно, саркастический космос) столкнула её с теми, кто не боялся ни её, ни домовых, ни даже налоговой инспекции.

Глава вторая

В которой техническое образование сталкивается с метафизикой

Коля и Дима были типичными представителями той породы людей, которую в народе называют «продвинутыми технарями». Они учились в МГТУ имени Баумана, факультет «Робототехника и комплексная автоматизация», жили в съёмной квартире в том же доме, этаже ниже и на два подъезда левее. Они снимали эту квартиру по дешёвке, потому что дом был старым, пахло сыростью, а соседи были или очень шумные, или подозрительные. Но для Коли и Димы это было идеальное место для проживания: близко к метро, рядом круглосуточная шаурмичная, и, что самое важное, никто из соседей не жаловался на шум от пайки плат и ночные рейды в Dark Souls.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.